

В.М. Михеев

Золотыя розсыпи

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В11

В.М. Михеев
В11 Золотые россыпи: Часть 1 / В.М. Михеев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 382 с.

ISBN 978-5-458-15072-9

Роман в 2-х частях. В романе «Золотые россыпи» рассказывается о рабочем классе Сибири. Первая часть романа «Золотые россыпи» вышла в Москве в 1892 году. Затем, в 1893 г., он полностью был напечатан в журнале «Артист». Переиздан роман в 1984 году в серии «Литературные памятники Сибири». Роман «Золотые россыпи» автор посвятил своему выдающемуся современнику В. Г. Короленко, с которым дружил на протяжении многих лет.

ISBN 978-5-458-15072-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Когда лучи іюньскаго солнца, беспильные въ горныхъ оврагахъ и на снѣговыхъ вершинахъ, ярко разсыпались по влажной низинѣ, по клейкой и трепетной листьѣ березняка, по слабымъ струямъ рѣки, когда сами эти лучи, казалось, прониклись влагой и жидко-жгучимъ трепетаньемъ, тогда становилось ясно, что и тундра, какъ все живое и жизненное, имѣетъ свою красоту: трогательную красоту бѣдной и чахлой природы. Порой человѣку, при всей прелести другой, болѣе богатой, природы, при всѣхъ восторгахъ, возбуждаемыхъ ею, кажется, что эта богатая природа равнодушна къ его, всегда немножко больной, душѣ. Но *эта* природа, природа тундры, тому, кто и въ ней почувствуетъ красоту, никогда не дастъ таинхъ ощущений. Восторговъ она не возбуждаетъ, но въ короткіе часы ея прелести тоньше всякой другой природы затронетъ въ душѣ ту поэтическую заунывность, которая такъ понятна русскому человѣку. Когда онъ начинаетъ свои лучшія пѣсни „не бѣлыми снѣгами“ или „туманомъ, павшимъ на сине море.“ И нельзя сказать, что слишкомъ бѣдна эта природа; ей данъ послѣдній штрихъ жизни и красоты: у ней есть свои цвѣты, и эти цвѣты и колоритны, и красивы. Когда глазъ внезапно находитъ ярко алую, крупную голову лиліи, повисшую на высокомъ стеблѣ надъ сочнымъ мхомъ, или бархатно синіе колокольчики Георгіева бояра, грядкой поднявшіеся на склонѣ холма, между обломками сланца и діорита, — и березки, и мохъ и сѣвер-

ное солнце,— все пріобрѣтаетъ новую прелесть. Цвѣтовъ этихъ не много, но они — изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и украшаютъ сиротливую тундру. И потому они вдвойнѣ хороши...

Такия мысли бродили въ головѣ Иннокентія Егоровича Бушанинова...

Онъ сидѣлъ на обрубѣ сосны у небольшого зимовья. Тамъ, гдѣ онъ сидѣлъ, готовились для будущаго года работы, и небольшой участокъ тундры, названный Борисоглѣбскимъ пріискомъ, уже былъ прорѣзанъ канавами. Узкія и длинныя полосы ихъ рѣзко чернѣли среди взрытаго кочкарника своими черными жирными краями, которые еще не покрыла, неуспѣвшая подняться до ихъ уровня, почвенная вода. Между рѣдко разбросанными березками виднѣлись тамъ и здѣсь наваленныя кучи заготовленныхъ для будущихъ шахтъ, тонкихъ деревянныхъ подпоръ и ерѣпей; въ одномъ мѣстѣ вдавились въ рыхлую и влажную почву толстыя бревна: будущіе вандрутенны, или, какъ говорятъ рабочіе, банкроты: основныя вертикальныя подпоры. Небольшое зимовье, въ которомъ пока жилъ единственный постоянный житель этого участка, зимовщикъ, стояло среди сгустившагося березняка, на сухой прогалинѣ. Команда рабочихъ, рывшихъ канавы, только на время приходила сюда.

Участокъ этотъ принадлежалъ той компаніи, нѣсколько паевъ которой оставилъ Бушанинову въ наслѣдство его дядя. Верстахъ въ семи находился главный пріискъ компаніи.

Бушаниновъ, недавно прибывшій въ эти мѣста, перѣдео по утрамъ заѣзжалъ къ Ерофею, зпмовщиму. Ерофей поилъ его кирпичнымъ чаемъ, иногда приготовляя „затуранъ“ т. е. наваливалъ въ этотъ чай муку, сало, соль. Сперва Бушаниновъ подозрительно относился къ этому напитку, но потомъ не разъ, проголодавшись послѣ продолжительной верховой поѣздки по неровнымъ каменистымъ или кочковатымъ дорогамъ, съ удовольствіемъ слышалъ приглашеніе Ерофея „похлебать мѣшанинки“. Ерофей былъ сосланный великорусъ и пренебрегалъ мѣстными, тѣмъ болѣе перусскими, названіями, хотя скоро и прекрасно узнавалъ и запоминалъ ихъ.

Часто называя сюда, Бушаниновъ все внимательно приглядывался къ зпмовщиму и къ этому небольшому типическому клочку тундры, сравнительно еще рѣдкой въ этой не крайне сѣверной полосѣ. И невысокая, когда-то коренастая, но теперь сильно ослабѣвшая фигура зпмовщика, облеченная въ синюю дабовую рубаху, холщевыя штаны и босовики собственнаго издѣлія чуть-ли не изъ конской шкуры; его сморщенное, темное лицо; его, когда-то хитрые, но теперь философски-ясные глаза; постоянная снисходительно-добродушная улыбка его жующаго беззубаго рта, заставляли Бушанинова находить что-то органически общее между Ерофеемъ и тундрой. Когда этотъ, исколѣченный каторгой, цынгой, подземными работами, надорванный, какъ загнанная лошадь, „мужиченко“, какъ самъ себя

съ усмѣшкой называлъ Ерофей, бойко шлепалъ босовиками по мокрымъ кочкамъ, когда онъ въ сотый разъ добродушно бранилъ эту „несообразную болотину“ и все-же весело скалилъ беззубый ротъ, было ясно, что и „болотина“, и „мужиченко“ сжились. Ерофей былъ уменъ, хитеръ, изъ „прожженныхъ“, какъ утверждали на пріискахъ, но прежде времени состарился, „ослабъ“, какъ онъ самъ говорилъ. И теперь отъ прежняго „прожженаго“ осталась одна хитрая усмѣшка надъ собой и своимъ положеніемъ, да невозможное удовольствіе этимъ положеніемъ человѣка, котораго судьба достаточно болотила, чтобы убѣдить, что и на болотинѣ можно найти „спокой“ и „раздышку“, а „по времени даже солнышкомъ дохнуть.“ Всѣ эти словечки, на которыя вообще былъ мастеръ Ерофей, онъ повторялъ часто и охотно, жалуясь, что у него и ноги и спину ведетъ—„во: какъ бересту на огнѣ“, вряхтя, ругаясь, и все таки лукаво блаженно улыбаясь. Но Ерофей былъ счастливъ на своей болотинѣ не напивно; онъ постоянно пронизывалъ надъ своимъ счастьемъ.

— Загноился мужиченко, а тоже раздышкой хвалится,—говорилъ онъ отплеываясь съ ругательствомъ.

И Бушаниновъ чувствовалъ, что эта пронія „загноившагося мужиченки“, не щадящая его самого, еще меньше щадитъ другихъ. Правда, Ерофей говорилъ: „себѣ тычекъ, съ другимъ молчобъ“, и, дѣйствительно, только хитрые гла-

за его выдавали снисходительную усмѣшку надъ *другимъ*—будь это свой братъ мужицъ, или онъ, Бушаниновъ,—хозяинъ и господинъ. Былъ-ли тутъ страхъ мужицкаго кулака, хозяйскаго гнѣва, или, просто, прежній „прожженный“ не удостоивалъ словесной ироніи *другихъ*, но Бушаниновъ прекрасно замѣчалъ иронію этихъ смѣющихся глазъ, когда загноившійся мужиченко предлагалъ господину и барину „мѣшанинѣ похлебать“. Но въ то же время было видно, что эта иронія не зубоскала, не самодовольнаго и самоувѣреннаго пересмѣшника, а человѣка, болѣе чѣмъ бывалаго, добродушная иронія человѣка, слишкомъ долго чувствовавшего себя воевой клячей ч, наконецъ, ставшаго философомъ въ хомутѣ клячи. Бушанинову нравилось это отношеніе къ нему „мужиченки“, это, такъ сказать, гостепріимно—насмѣшливое старшинство Ерофея надъ нимъ. Не безъ добродушнаго юмизма ощущалъ двадцати шести-лѣтній художникъ, что шестидесяти-лѣтній зпмовщикъ — старшій не только по лѣтамъ. И какъ дѣти привязываются къ хорошему старшему, который и посмѣется надъ нимъ, но и въ самомъ-то смѣхѣ подмигнетъ имъ, „охъ вы, молъ, пузырь этакие!“, такъ, слегка подсмѣиваясь надъ собой, привязался Бушаниновъ къ Ерофею.

Да и, помимо этого, Ерофей былъ слишкомъ ярокъ и оригиналенъ, какъ типъ. Достаточно оригинальна была и его „болотина“, чтобы молодому художнику не заинтересоваться; и въ головѣ Бушанинова уже настойчиво бродила эта

„болотниа“, какъ фонъ, и „загноившійся мужиченба“, какъ первый планъ картины.

Когда Бушаниновъ объявилъ Ерофею, что хочетъ писать съ него,—тотъ не обнаружилъ удивленія.

— Что-жъ, пишите, — посмѣиваясь одобрилъ онъ, — только чтобъ это... чтобъ тихо спдѣть, не можно, потому мошеа препятствуетъ: все съ ей поганой пошевелишься, — добавилъ онъ, показывая ясное пониманье своей роли.

Бушаниновъ его успокоилъ, сказалъ, что тихо спдѣть вовсе не надо, чтобъ онъ велъ себя какъ всегда.

— Очень пріятно, — усмѣхнулся Ерофей, и вдругъ не удержался: залился откровеннымъ старческямъ дребезжащимъ хохотомъ, и даже рукой замахалъ.

— Чего ты?—удивился Бушаниновъ.

— Ну, да ужъ пишите, привозите вашъ струментъ,—еще разъ махнулъ рукой Ерофей и, все посмѣиваясь, ушелъ въ зимовье.

Сегодня Бушаниновъ, наконецъ, привезъ свой „струментъ“, походный художническій приборъ, и, въ ожиданіи, пока „первый планъ его картины“ принесетъ изъ ключика воды для чаю, сидѣлъ и уяснять себѣ идею „фона“. И въ то время, какъ глаза его упали на послѣдній штрихъ красоты этого фона, этой тундры,—на затерянную среди кочекъ алую лилію, между березками замелькали босовики Ерофея. Онъ съ побряхтываньемъ тащилъ котелокъ ключевой воды.

— Во-отъ она, студеная! Далъ же Господь экой родникъ въ экой болотинѣ,—приговаривали Ерофей, торопливо семена босовиками и неся на отмашь слегка дрожащей рукой котелокъ.

Онъ почти рысью подбѣжалъ къ зимовью, поставилъ котелокъ на земь, вскинулъ своими кудрявыми темно-сѣдыми волосами, потербилъ сѣдую узкую бородеу и искоса поглядѣлъ на Бушанинова, который укрѣплялъ маленькій походный мольбертъ съ холстомъ. Все лицо Ерофея сіяло отъ беззвучнаго смѣха. Было видно, что онъ только что „ополоснулся“ въ родникѣхъ, какъ онъ говаривалъ. Лицо нѣсколько покраснѣло, волосы и борода были мокры, даже загорѣлая морщинистая шея, видная изъ-за полурастегнутаго ворота синей рубахи, была красновата: ополаскиваясь. Ерофей употреблялъ усилія, соответствующія за-глубинѣю кожи. Ополоснувшись въ ключѣ и собираясь „похлебать кирпичика“, Ерофей былъ въ самомъ блаженномъ настроеніи. И когда онъ искоса смотрѣлъ на приготовленія Бушанинова, весь трясаясь въ беззвучномъ смѣхѣ, было очевидно, что онъ, дѣйствительно, на верху блаженства. Но это продолжалось не долго. Дѣловито озабоченное выраженіе нахмурило его густыя брови надъ веселыми глазками, и онъ засуетился, уже безъ смѣха приговаривая:

— Погодь, погодь! — я сейчасъ и свои струменты налажу.

И босовики снова зашлепали, замелькали въ зимовье и изъ зимовья. Не успѣлъ Бушаниновъ

оглянуться, какъ изъ раскрытой двери зимовья до него дошелъ звукъ кипѣнья воды на очагѣ, а Ерофей уже сидѣлъ на рундучѣ зимовья. Между его широко разставленныхъ, высоко поднятыхъ колѣнъ стоялъ небольшой чугунный котелокъ, а въ рукахъ былъ кирпичъ чаю и горячій, но остро отточенный ножъ съ берестянымъ черенкомъ.

— Ну, таперъ пиши, — объявилъ онъ художнику, уже не смѣясь и, очевидно, совершенно отдаваясь своему дѣлу. — Ты пиши, а я поскоблю, а я поскоблю, — приговаривалъ онъ, съ усиленіемъ кроша чай въ котелокъ, хмурия брови и жуя беззубымъ ртомъ.

Бушаниновъ началъ зачерчивать на полотнѣ композицію рисунка. Онъ, мелькомъ поглядывая на зимовщика и прищуривая глаза, то приближалъ, то отдалялъ лицо отъ полотна.

Оба, углубившись въ свои занятія, не замѣтили, что на изгибѣ неровной и узкой дороги, по той сторонѣ канавы, огибавшей прогалину, гдѣ стояло зимовье, показалась пріисковая двухколесная таратайка, запряженная въ одну лошадь. Лошадью правила, съ легкостью и небрежностью привычнаго кучера, дѣвушка, которую, по тонкому стану и сравнительно небольшому росту, можно было принять издали за дѣвочку-подростка. Рядомъ съ ней сидѣлъ, отдуваясь и недовольно хмураясь отъ солнца и мошекъ, человекъ еще ниже ея ростомъ, но сутулый и широкій въ спинѣ, очевидно пожилой. На платьѣ дѣвушки изъ блѣдно-палеваго ситца, на бѣломъ шелес-

вомъ платочекъ, которымъ, по крестьянски, была повязана ея головка, на парусинномъ поджаке и соломенной широкополой шляпѣ ея спутника— ярко горѣло солнце. Ъхали они молча.

Красноватое маленькое лицо пожилаго господина, съ испаньелкой и острыми усами, лицо чисто польскаго типа, говорило своими хмурающимися подслѣповатыми глазками и почти по дѣтски надутыми губами, что теперь не до разговора, что и безъ того достаточно глухо трястись въ таратайкѣ въ такую жару. Слегка раздумавшееся, тонкое личико дѣвушки, въ полупрозрачной тѣни надвинутаго на лобъ платка, улыбалось, очевидно посмѣиваясь настроенію ея спутника. Свѣтло сѣрые, какъ-то серьезно насмѣшливые, глазки подъ тонкими черными бровями задумчиво блуждали, вѣроятно находя прелесть въ поѣздкѣ и въ такое утро, не смотря на жару; но ярко алая тонкія, слегка поджатая губки смѣялись слишкомъ ясно; углы ихъ то поднимались, то опускались, и острый блѣдный подбородокъ вздрагивалъ надъ узломъ платка. Маленькая, худая и блѣдная, рука дѣвушки лѣниво похлопывала возжей по плотнымъ бокамъ лошади, не столько для поощренія ея, сколько для того, чтобы сгонять сосущихъ ее паутовъ. На толчкахъ, когда полукруглый бузовъ таратайки внезапно вскакивался, пожилой господинъ кряхтѣлъ съ видомъ обезсилѣвшей безропотной жертвы, а лукавые глазки дѣвушки, съ неудержимымъ весельемъ выглядывали на него изъ подъ платка.

И когда эти сѣрые глаза разгорались и искрились, въ нихъ вспыхивалъ такой умъ, такое богатство затаенной и еще нерастраченной внутренней жизни, что, казалось, блескъ солнца на время весь уходилъ въ это личико. Спутникъ замѣчалъ веселое настроеніе дѣвушки, и еще болѣе избѣгалъ разговора, боясь неудержимаго потока шутокъ и остротъ надъ собой, противъ чего было бы бессильно все его существо, разваренное солнцемъ, измученное мухами, мошками, комарами, и даже оводами, которые, вѣроятно, по недоразумѣнію принимали его за лошадь.

Когда таратайка выѣхала на изгибъ дороги, и глазамъ обоихъ открылось, какъ на ладони, за канавой зимовье Ерофея, подслѣповатые глаза хмураго господина мучительно прищурились, все его существо выразило волненіе. Онъ хлопотливо слезилъ въ карманъ холстиноваго жилета за пенснэ, надѣлъ его на свой лоснящійся отъ пота, слегка горбатый, носъ, и вдругъ, совершенно не въ состояніи сидѣть спокойно въ экипажѣ, выставилъ ногу на подножку, какъ-бы готовясь выпрыгнуть.

— Но, панна Болеслава, онъ пишетъ, у него мольбертъ,—въ недоумѣніи почти взмолился онъ по польски.

Панна молча кивнула. Она сама сдѣлалась серьезна и внимательно смотрѣла на отрывавшуюся передъ ними сцену. Послѣ минутной нерѣ-